

"Во матушке было в каменной Москве..."

(Арханг. губ., Шенкурск. у.)

Во матушке было в каменной Москве,
При Грозном царе Иване Васильевиче,
Были годы те недóшлые, времена были студеныя¹.
Задумал царь Иван Васильевич жениться,
Благоверный обручится,
Он не в матушке в каменной Москве
И не в матушке славной Вологде, —
Во той во земле во Польския,
У короля у церконовского, у литовского,
У того Кастрюка на мёньшей сестре.

Еще скоро по́ скору, скоро на́ скоро,
Тут поехал Иван Васильевич жениться.
Ему стрéту ладит² Кастрюк с барабанной музы́кою:
«Уж ты здравствуй, царь Иван Васильевич!
Еще ты ли ко мне приехал торгóм торговать,
Еще ты ли ко мне приехал собирать пошлину,
Собирать пошлину за двенадцать лет?»
Отвечает Грозный царь Иван Васильевич:
«Я приехал к тебе не торгом торговать,
Я приехал к тебе не за пошлиной:
Я приехал к тебе жениться,
На твоей жениться на меньшóй сестре».
Еще скоро по скору, скоро на скоро,
Сряжает Кастрюк свою сестру.
Снимается³ Грозный царь Иван Васильевич
Во свои зёмли во Русския,
Во свою во матушку в камену Москву.

Пошло красное солнышко ко западу,
Пошел честен пир, все на́веселе,
Все на пиру сидят — пьют-едят,
Пьют-едят, потешаются.
Кастрюк сидит — не пьет, не кушает,

Белой лебеди не рушает.
На кого лихо думает?
Еще ли он на царя на православного,
Еще ли он на сестрицу на любимую,
Еще ли он на князей — на бояр,
Еще ли он на торговых гостей,
Еще ли он на прислужащих всех.
Уж возговорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Уж ты гой еси, Никита Романович!
Ты иди-ко, попроси его:
Уж ты что́, скажи, Кастрюк молодой,
Что́ сидишь, не пьешь, не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь?
На кого лихо думаешь:
Еще или на царя на православного,
Еще или на сестрицу любимую,
Еще или на князей-бояр,
Еще или на торговых гостей,
Еще или на прислужащих всех?»
Отвечает Кастрюк молодой:
«Уж я той думы не думаю,
Я тех мыслей не примысливаю.
Уж я все города ходом прошел,
Уж я всех славных борцов приоборол;
Я теперь во Москву вступил,
В ту же матушку в славну Вологду⁴:
Из твоей из матушки каменнóй Москвы
Я хочу честь-честь свою и славу унести».

Походил Никита Романович
Ко царю Ивану Васильевичу:
«Уж ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Молодой Кастрюк той думы не думает:
Уж он все города прошел,
Он всех сильны борцов приоборол;
Он приехал теперь в камену Москву:
Хочет из Москвы честь-славу унести».
На это Грозный царь ответ держит:
«Уж ты гой еси, Никита Романович!
Ты бери-ко трубу золоту свою,

Выходи на крылечко на Красное,
Ты труби-ко в трубу золоту свою,
По тому переулочку Косящетоу⁵,
Кабы шли борцы на царский двор!»
Брал Никита золоту трубу,
Выходил на крылечко на Красное,
Он трубил в трубу золоту свою.
По этому переулочку Косящету⁶
Идет два борца, два молодца:
Один идет Илеюшко Хроменький,
На одну ножку припадывает,
На другую ножку подковыливает,
Костыльком он подпирается;
Другой борец идет Иванушка Маленький⁷.

«Уж ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич!
У тебя хлеб-соль завсегда на столе,
У тебя борцы завсегда во дворце!»
Что на это Грозный царь ответ дает:
«Уж ты гой еси, Никита Романович!
Ты поди-ко, поспрошай его:
Не во хмелю ли у него слово молвилось,
Не во хмелю ли он призахв́стнулся?»
Тут пошел Никита Романович:
«Уж ты гой еси, Кастрюк молодой!
Ты зачем сидишь — не пьешь, не кушаешь,
Нашей лебеди не рушаешь?
Наша хлеб-соль завсегда на столе,
Наши борцы завсегда при дворце.
Не во хмелю ли у тебя слово молвилось,
Не во хмелю ли ты призахв́стнулся?»
Скакал Кастрюк на резвы ножки,
Он скакал через столики дубовые,
Через те ли скатерти бёрчаты⁸,
Через те кушанья сахарныя,
Через те напитки через наливные:
Он стоптал сто князей со боярами,
Он стоптал другое сто донских казаков.

Выходил Кастрюк на новы сени,
Он сам говорит таковы речи⁹:
«Уж ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Мне-ка не с кем итти здесь боротися,
Мне-ка не на ком здесь белых рук патрать¹⁰!»
Тут пошел Кастрюк на широкий двор,
Он пошел с Илеюшкой со Хрóменьким:
Тут пошел Кастрюк в большё колесо¹¹,
Тут пошел Илеюшко в маленькое;
Кастрюк побил Илеюшку Хрóмого.
Выходил Иванушка Маленький,
Он сам говорит таковы речи:
«Уж ты гой еси, Грозный царь Иван Васильевич!
Еще как мне-ка с ним итти боротися:
Еще или нам рука-нога вон выворотить,
Еще или нам буйна голова вы́ставить¹²,
Из рубашки ли повылупить?»
Что на это Грозный царь ответ несет:
«Ты борись, не печалься, лишь бы Бог пособил!»
Походил Кастрюк в большё колесо,
Походил Иванушка побольше того:
Еще был Кастрюк на резвых ножках,
Очутился Кастрюк на буйно́й голове.
Хватал Иванушко с него платье цвётное;
Убегал Кастрюк на конюший двор,
Где собаки щенками щёнятся¹³.

(От В. И. Даля; записано А. Харитоновым, а разноречия им же от более искусных певцов)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 Разнореч. «потрусли́выя», с землетрясением, а также с военными беспокойствами, заставлявшими робеть.

2 Готовится на встречу, с готовностью встречает.

3 Сряжается, отправляется.

4 Как и выше, это признак, что былина пелась в Вологде и занесена оттуда.

5 Разноречие:

«Ты труби-ко во всю голову,
Чтобы слышно всему городу!»

6 Разноречие:

Из-за улка из-за Глинникова,
Из-за улки из-за Пирожниковой.

7 За сим слова Никиты, исполнившего поручение.

8 Бранья.

9 Разноречие:

Выходил Кастрюк на белодубов двор,
По двору-то он похаживает,
На борцов Кастрюк посматривает,
Он сам говорит таковы речи...

10 Марать, грязнить.

11 Вид борьбы, крутяться в большой круг.

12 Вывихнуть, выломить.

13 Разноречие прибавляет: «Где свиньи лóсятся». — О.